
BOOKTRAN
БРЕНДОН САНДЕРСОН
ОГНИ ДЕКАБРЬ
ГЛАВЫ 1-2

Информация о переводчиках

Перевод и редактура: zhuzh, Anahitta, marmax

Booktran, 2026 г.

Интересные новости о творчестве Брендона Сандерсона:

www.vk.com/b.sanderson

https://t.me/BooktranBrandonSanderson

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект,
добро пожаловать на www.booktran.ru

Глава 1

Девочка появилась на свет необычно лютой зимой, в последний холодный час последнего холодного дня последнего холодного месяца года. У ее матери, смертельно бледной от потери крови, были на редкость красивые темно-карие глаза, про которые говорили, будто в них можно разглядеть звезды. Прижимая к себе дочь у очага, где сердито пылало пламя, и думая о мягком снегопаде, что укрывает землю и заглушает тревоги, она назвала ее в честь месяца. И действительно, девочка с самого начала вела себя необычайно тихо, не желая плакать.

Разумеется, на их языке название месяца звучит иначе, но для удобства я буду называть девочку Декабрь.

Мать поцеловала дочь и прошептала слова любви, даже когда звезды в ее глазах начали гаснуть, растворяясь в слезах. Как бы сильно она ни любила свое дитя, вскоре ее путь завершился — в неглубокой могиле, вырытой в промерзшей земле. Девочке не суждено было узнать ни заразительную улыбку, ни ласковый голос матери; много лет спустя Декабрь могла вызвать в памяти лишь одинокое надгробие. Поговаривали, что ей достались материнские глаза — тихие, задумчивые, будто с огоньками в глубине.

Мать была чужачкой: в юности она работала на корабле и, прибыв в город, по прихоти судьбы осталась. По слухам, ей пришлось бежать откуда-то из далеких мест, но сама она никогда об этом не рассказывала. Отцом девочки стал заезжий моряк с обаянием, достойным сонета, а совестью — разве что лимерика. Поскольку мать была не местной, родни забрать ребенка не нашлось. К счастью, жители Прибрежного относились к детям вроде Декабрь с той же практичностью, что и к названию собственного города. Наместник распорядился выделить небольшое пособие из фонда для сирот, чтобы оплачивать кормилицу до пятилетия девочки, после чего ее взяли на воспитание трактирщик с женой.

В трактире к Декабрь относились не совсем как к члену семьи, но и без заботы не оставили. Ей отвели постель в углу общего зала рядом с собаками. В этом не было ничего унизительного, как можно подумать: семейная постель и так ломилась от детей. Собаки согревали Декабрь, как и амбарная кошка. Кошка знала семнадцать тайных лазеек в дом и быстро поняла, что только девочка не выдворяет ее на улицу. Неудивительно, что Декабрь больше тянуло к животным, чем к людям, и причина, скорее всего, крылась именно в том детском уголке.

Декабрь не была грубой или нелюдимой, просто немного не от мира сего. (Если вы не знакомы с сельской терминологией, так вежливо говорят о человеке со странностями или причудами.) Ее особенность заключалась во взгляде. Когда

она наблюдала за посетителями постоялого двора, в ее карих глазах играл отраженный свет, и невольно хотелось понять, что же такого она видит, а вы — нет. Декабрь никогда не считала себя несчастной, но печаль досталась ей по наследству, и она говорила на ее языке без акцента.

Пока Декабрь была маленькой, общество точно знало, что с ней делать: назвать «девчонкой» и приставить к метле. Приемных детей следовало не только растить, но и приучать к труду, поскольку в королевстве Горных Вершин, как и в большинстве краев с суровыми зимами, кто не работает, тот не ест. Будучи весьма сообразительной, Декабрь быстро усвоила этот урок.

Декабрь росла, ее продолжали называть «девчонкой», но уже другим тоном и с другим смыслом. Парни провожали ее взглядом и отворачивались, только если она замечала. Сообразив что к чему, жена трактирщика поручила Декабрь обслуживать столы, и дело сразу пошло на лад. Декабрь не была болтушкой, какие привлекают посетителей, но излучала завораживающую, почти неземную притягательность.

Отчасти ее загадочность объяснялась внешностью. Кожа у нее была удивительно бледной, а густые черные волосы контрастировали с привычными для тех краев светлыми. Она носила их распущенными, чуть ниже плеч. Ветер не растрепывал их, а играл прядями, и казалось, что на ней темный капюшон, затеняющий глаза. Черты у нее были угловатыми: высокий лоб, широкие густые брови, выразительные скулы, слегка заостренный нос, будто ограненный бриллиант. Лицо словно звучало в минорной тональности.

Общество знало, что с ней делать в таком возрасте, ибо, повторюсь, жители Прибрежного отличались практичностью. С верховьев реки на работу в рудниках стекались холостяки, и нельзя отвергать девушку лишь из-за сомнительного происхождения. Повзрослев, Декабрь стала понимать причины мужского внимания, потому что, повторюсь, умела слышать невысказанное. Желая избежать пристальных взглядов, она спросила у приемной матери, нельзя ли ей помогать на кухне вместо того, чтобы обслуживать столы.

— В том-то и смысл, что на тебя смотрят, — объяснила приемная мать. — Портниха не будет прятать свои изделия в глубине лавки, а выставит в витрине.

Эта метафора Декабрь никогда не нравилась, но возразить слов не находилось. Как бы то ни было, она не отвечала на интерес со стороны парней, а их становилось все больше. Они приходили в трактир поесть, пытались втянуть ее в разговор, хвастались и всячески привлекали ее внимание. Она обслуживала их, но не задерживалась и не улыбалась.

По сути, дело было не в том, что ей совсем никто не нравился. Некоторыми парнями она восхищалась, по крайней мере, пока они не заговаривали.

Восставала она не против них, а против самой ситуации и того, что от нее ждали. Против того, что ни один из них, похоже, не видел в ней человека, а лишь роль, которую ей суждено сыграть. Благодаря монетам, которые парни тратили на еду и выпивку, приемные родители не подталкивали ее к поиску пары еще несколько лет после того, как, по меркам их общества, ей уже пора было бы выйти замуж.

Декабрь все чаще накрывало странное чувство одиночества. Она хотела соответствовать ожиданиям, и мужчины ей в целом нравились, просто не эти. Она думала, что, наверное, слишком привередлива. Если она не платье, которое можно вывесить в витрине, то кто же она на самом деле?

Так она и жила в неопределенности, пока однажды Барк не задержался после ужина. Это был плечистый громила, с которым никто не хотел связываться, и, видимо, поэтому его назначили помощником бригадира на руднике. В трактир он захаживал почти каждый вечер, поскольку жены у него не было и ужин дома его не ждал. На взгляд Декабрь, умом он был скуден, как местная почва, а мысли его вязли, как в болоте, но по счетам он платил вовремя, и поэтому трактирщик с женой относились к нему с симпатией.

В тот вечер, прикончив свой обычный ужин из похлебки со свежим хлебом и, как всегда, сгорбившись над столом, он засиделся дольше обычного, в тягостном молчании. В конце концов он перехватил приемную мать Декабрь за локоть, когда та проходила мимо.

— Напомни, когда у девчонки день рождения?

— Завтра. Ей исполнится двадцать один.

Барк хмыкнул:

— Ну так я зайду.

— Прослежу, чтобы она была готова.

Вот оно.

В голове Декабрь раздался пронзительный визг, будто крысу прищемили дверью.

Она заставила себя успокоиться, решив, что неверно истолковала намерения Барка, и отвлеклась принять заказ у странного чужака, приплывшего днем по реке. В городе часто появлялись чужаки, но этот казался чуждым по-другому. Время от времени вниз по течению, к далекой равнине, где кровавая река в конце концов испарялась, спускались торговцы, моряки, изредка знатный столичный господин или дама в одежде кричащих расцветок.

(Не волнуйтесь, река была не из человеческой крови. Это оказалось бы в высшей степени непрактично. Только представьте, как бы она сворачивалась.

Кроме того, чтобы наполнить целую реку, понадобилось бы много тысяч человек, а так хватило всего одного демона.)

Так или иначе, этот чужак был по-настоящему странным: с белоснежными волосами, хотя выглядел не старше... в общем, его возраст было трудно определить. Определенно не двадцать. Точно не пятьдесят. Однако ни один из промежуточных вариантов ему тоже не подходил. Он носил яркий наряд, как знать, но в заплатках и почему-то еще более кричащих расцветок. Каждый предмет одежды по отдельности был безвкусным, но все вместе они производили впечатление перевернувшейся тележки с овощами, где все перемешалось и раздавилось. (Замечу, что в этот раз ужасным костюмом я был обязан не отсутствию вкуса, а королевской традиции, навязанной местным шутам.)

Незнакомец отказался от вечерней похлебки из-за того, что в ней было мясо, и сидел, напевая себе под нос и записывая что-то пером в маленькой книжке. Он был довольно привлекательным, с выдающимся носом, который я бы описал как «невероятный». И не смейте утверждать обратное, поскольку это мой нос и моя история. (Вы бы ее не услышали, если бы в ней со мной не приключилась ужасная неприятность, так что, будьте добры, сделайте вид, будто хоть капельку сочувствуете.)

— Господин? — сказала Декабрь. — Хотите чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо, — отозвался я.

Вот и все. Она отошла, и мы больше не разговаривали до конца ее жизни. Может, вы ожидали от меня большего: рассказа, совета, хотя бы шутки. Первое уже перед вами, второе будет в конце, а третьим я щелкну вас по носу, когда меньше всего будете ждать. Ни одно из трех не предназначалось для Декабрь, я не счел ее важной. Она занялась другими посетителями, а я отправился спать.

Я понятия не имел, насколько важна эта девушка, но хочу, чтобы вы были осведомлены лучше. Поэтому мое вступление может показаться длиннее, чем необходимо. Прошу проявить терпение и обещаю, что эти подробности важны.

Когда в ту судьбоносную ночь двери общего зала наконец заперли, Декабрь попыталась поскорее добраться до постели. К тому времени трактирщик отвел ей угол в кладовке, где можно было подвесить гамак и обрести хоть немного уединения. К сожалению, скрыться от приемной матери не удалось. Та отвергала любые попытки сменить тему и упорно возвращала разговор к Барку. С монотонностью одеяла, сшитого из одинаковых лоскутов, она твердила Декабрь о том, что Барк — человек важный, что он сумеет ее обеспечить и что ей стоит согласиться, когда завтра он сделает предложение. Намек был ясен: Декабрь долго тянула, выбор теперь невелик, и ничего лучше ей уже не светит.

Должно быть, вы ожидаете, что Декабрь сбежит, как обычно бывает в подобных историях. Под покровом ночи юная героиня отправится искать свою судьбу: покинет город и избежит брака с человеком, который явно ее недостоин. Увы, в реальном мире такие побеги случаются очень редко. В ту ночь, поплакав в подушку, Декабрь признала правду: у нее нет ни денег, ни знаний для путешествия и она уже давно злоупотребляет гостеприимством приемных родителей.

Они в самом деле любили ее и еще долго держали у себя после того, как наместник перестал платить за ее содержание, однако практичность брала свое. Пора двигаться дальше, объяснила приемная мать. Новый этап жизни Декабрь наступал с упрямой неизбежностью. Даже гамак предстояло передать одной из старших внучек хозяев, которая будет помогать в общем зале вместо Декабрь.

Декабрь и Барк поженились через две недели. Это случилось бы еще раньше, но бедная жена наместника подавилась за завтраком колбасой, так что пришлось сходить на похороны и немного выждать. Барк Декабрь не радовал, но другие кандидаты в мужья были не лучше. Никто в городе не считал жизнь без мужа допустимой, даже сама Декабрь, как бы долго она ни тянула с выбором.

Она изо всех сил старалась освоить новую роль: создать домашний уют и обрести любовь с мужем. Следующие несколько лет были не то чтобы приятными, но терпимыми, хотя новости с верховьев реки приходили тревожные. Через несколько месяцев после свадьбы в столице что-то случилось. Поползли мрачные слухи о демоне, устроившем пожар в небесах, и о войне за престол после смерти короля, преданного одним из герцогов.

Все эти далекие беды, теологические и политические, почти не оказывали непосредственного влияния на такой маленький городок. От столицы Прибрежный находился всего в месяце пути по реке, однако в философском и ментальном отношении между ними разверзлась такая же пропасть, как между прологом и всей остальной историей. У Декабрь хватало своих забот: довольно быстро выяснилось, что она не может иметь детей. Во всяком случае, ни один ребенок так и не появился на свет, а в таких обществах никому не приходит в голову, что вина может лежать на мужчине.

(В данном случае причина и правда заключалась в недуге Декабрь, но при их уровне знаний подтвердить это было невозможно. Время от времени в город заезжал лекарь: привозил лекарства и обучал местных повитух, но даже он не смог найти объяснение.)

Для любой пары невозможность иметь детей — проблема глубоко личная, а для многих очень болезненная. К ней нужно подходить с деликатностью и сочувствием. К сожалению, к деликатности Барк был не способен: слова с таким количеством слогов звучали для него почти как иностранные. Вместо того чтобы

поддержать жену и заверить, что не будет ценить ее меньше из-за не зависящего от нее недуга, он с каждым годом делался все более невыносимым: сначала мрачным, потом раздражительным, а затем и вовсе начал кричать и буянить.

В те годы Декабрь нередко уходила гулять вдоль реки подальше от дома, который не только не стал уютным, но превратился в подобие тюрьмы.

Итак, я обещал рассказать вам об этой реке, а обещания я держу, если только с точки зрения сюжета не будет интереснее их нарушить. Три кровавые реки — отличительная особенность королевства Горных Вершин. Одна из них текла мимо Прибрежного: достаточно широкая для самых тяжелых барж, но слишком мелкая для настоящих морских судов. Декабрь без труда различала противоположный берег, а медленное течение делало переправу простой даже для не слишком искусного пловца.

Если, конечно, он не гнушался искупаться в крови.

Прикасаться к густой, как краска, крови демона, было безопасно, хотя большинство жителей мелких городков старались держаться от нее подальше. Декабрь попробовала раз или два и с удивлением обнаружила, что кровь не липнет к пальцам и стекает, оставляя кожу совершенно сухой. Из разговоров выяснилось, что так случается со всеми.

Река была загадочного пурпурного, почти черного оттенка с маслянистым блеском. Все те одинокие годы Декабрь обращала взор вверх по течению, представляла труп в далекой столице, истекающий этой кровью, и думала, правду ли говорят жрецы, действительно ли три века назад пришел Пророк, чтобы спасти землю. Поговаривали, его меч до сих пор торчит в бьющемся сердце демона, удерживая его, как приколотую булавкой бабочку.

А если это правда, как относиться к свежим слухам, будто демон освободился? Вернется ли Пророк? А если вернется, будет ли, как в прошлый раз, исцелять больных и страждущих?

Общество ничем не могло ей помочь, потому что в кои-то веки не знало, что с ней делать. О детях заботились. Девушек выставляли, как платья в витрине магазина. С матерями и так все ясно. Но как быть с женщиной ее возраста и положения, которая не стала и вряд ли станет матерью?

Горожане то проявляли сочувствие, то испытывали неловкость. Когда Декабрь жаловалась на Барка, они уверяли, что понимают... вот только ее или его? В итоге она перестала с ними разговаривать и искала утешения у реки, а иногда у пролетающих вдоль берега птиц. Ей казалось, это самое одинокое время в ее жизни: она живет в доме с мужем, который все сильнее ее ненавидит, а остальные ее игнорируют, потому что не знают, как утешить человека, чьи проблемы пугают.

Тем не менее она заблуждалась: все могло стать еще хуже.

Ей было двадцать пять, когда однажды ночью Барк пришел домой пьяным. Очередная плохая ночь. Он опять ходил искать серебряную жилу под названием Зимний клад. По его словам, много лет назад он наткнулся на нее со своим старым другом Тапом, когда они бродили в предгорьях. Барк частенько отправлялся на поиски жилы, когда его вышвыривали из трактира или таверны за буйное поведение. Правда, Тап погиб при обвале еще до того, как Барк и Декабрь поженились, и она никогда не верила в этот мифический клад — Барк безуспешно искал его уже десять лет. На самом деле эти поиски приводили лишь к одному результату: у него еще больше портилось настроение.

Явился Барк почти в одиннадцать. Ужин давно остыл. Он набросился на нее с обвинениями, и не только из-за еды. Декабрь молча начала разогревать похлебку, пока он злобно рассуждал о том, почему его жена проклята бесплодием. По его мнению, она была шлюхой и подхватила какую-то болезнь. Чего еще ждать от незаконнорожденной дочери чужеземцев?

Декабрь так же молча поставила перед Барком еду, а потом взяла плащ, чтобы выйти прогуляться в темноте, пока он не угомонится и не уснет. Но в ту ночь Барк вскочил и схватил ее за руку. С нарастающим ужасом она смотрела на его пальцы, и само время с отвращением замерло перед тем, что они оба считали неизбежным. Несмотря на вопли, на этот шаг Барк еще никогда не решался.

Он ударил ее.

Дал пощечину наотмашь с такой силой, что Декабрь отлетела к дверной раме.

Барк был из тех, кто ожидает от своих жертв определенного поведения. Когда тебя бьет такой здоровяк, ты либо остаешься лежать, либо с криками бросаешься на него и получаешь по полной. К встречному пристальному взгляду он оказался совершенно неподготовлен.

Декабрь, лежа на полу, подняла голову. Глаза у нее были как ночь... в них будто мерцали звезды или огни на далеком холме. Ни капли страха. Ни слезинки, несмотря на покрасневшую от удара щеку. Она плавно и грациозно, словно горная кошка, поднялась, ни на мгновение не отводя от Барка взгляда. В ее движениях сквозили вызов и уверенность.

В надменной, опасной тишине Барк вдруг понял, что, если ударит ее еще раз, его душу заберут демоны ночи.

Он позволил ей уйти.

Зима в Прибрежном часто задерживалась дольше положенного, и Декабрь не оставалось ничего, кроме как вернуться на постоялый двор и умолять приемных родителей приютить ее. Они выслушали, утешили, когда она наконец расплакалась, и приложили к щеке холодный компресс. Но остаться не

предложили из опасений, что недуг Декабрь перекинется на старшую внучку, которая жила с ними.

Мы с вами понимаем, что это полная чушь, но не забывайте: речь идет о сельских жителях, которым недоступны современные знания. Невежество — наше естественное состояние. Кому посчастливилось от него избавиться, больше от него не страдают, однако следует относиться с пониманием к тем, кто до сих пор ему подвержены, как при любом наследственном заболевании. Трактирщик с женой накормили Декабрь горячим ужином и дали горсть монет, но страх заставил их выставить ее за дверь. Она плотнее запахнула черный плащ и заплатила за ночлег на складе у причала, где спали моряки, у которых не хватало денег на постоялый двор.

На складе она прожила три года, берясь за любую работу, какая подвернется: шила, стирала, носила воду. Это было тяжело, но еще более невыносимой ее жизнь стала из-за главного унижения: Барк все-таки нашел Зимний клад — жилу чистого серебра, как он и говорил, а поблизости — тело своего старого друга Тапа. В честь открытия новой жилы в городе устроили большой праздник, а Барк получил от наместника огромную награду из королевской казны.

(Нужно отметить, наместник никому не говорил, что в связи с обострившимися проблемами в верховьях реки налоги не забирали уже несколько лет. У него скопился немалый резерв средств, что само по себе было серьезной проблемой.)

Благодаря награде Барк в одночасье прославился и стал самым богатым человеком в городе. Старый, почти выработанный рудник давно тревожил жителей Прибрежного, но новый, да еще серебряный, сулил десятилетия благополучия. Неважно, что река темнеет, теряет свою пурпурную красоту, наливается болезненной чернотой. Неважно, что Декабрь ломала голову, куда пропали господа и дамы в ярких одеждах и странный незнакомец с белыми волосами, которого она почему-то помнила особенно ясно.

Городок праздновал новое будущее. Барка выбрали мэром, и он женился на внучке трактирщика. Его брак с Декабрь официально не расторгли, но для человека его положения такая ерунда не имела значения. Новая жена вскоре родила ему детей, что стало для Декабрь еще одним унижением: его жестокие слова о ней оказались правдой и словно подкрепили сопутствующую ложь.

Воодушевленный этой победой, в последующие годы Барк будто задался целью превратить жизнь Декабрь в ад. Он принимал законы, запрещающие мигрантам и всем людям с чужеземной кровью работать почти во всех сферах. В своих речах он утверждал, что такой шаг необходим, чтобы защитить город от

беженцев, хлынувших из столицы (которая, как они говорили, сгорела дотла) и соседних крупных городов, до сих пор охваченных кризисом престолонаследия.

На самом деле законы Барка были нацелены непосредственно на Декабрь. Это было состязание характеров, попытка заставить ее заняться тем, на что идут отчаявшиеся женщины в обществе, которое делает вид, что ни в чем не виновато. Декабрь отказалась, ведь достоинство было ее единственным прибежищем. Если бы она уступила, то лишь подтвердила бы сплетни, которые распускал о ней Барк. Вместо этого она прошла обучение у лекаря во время его визита в город: он пробыл три месяца, а затем отправился вверх по реке, чтобы помогать в пострадавших от войны землях. В Прибрежном его больше не видели.

К счастью, лечить людей мигрантам не запрещалось, иначе запрет коснулся бы и странствующего лекаря, а с этим город бы не смирился. Воспользовавшись этой лазейкой, Декабрь бросила вызов Барку. Помогать с родами ей не доверяли, будто после общения с повитухой, у которой нет фаллопиевых труб, они магическим образом исчезали у других женщин.

Однако после того как она успешно приняла теленка, ей удавалось находить редкие подработки, пока наконец Барк не сделал незаконным и это занятие, заявив, что к городскому скоту нельзя подпускать без лицензии. Раз поставки продовольствия по реке стали нерегулярными, объяснял он, Прибрежный должен сам себя кормить, а скот слишком ценен, чтобы доверять его плохо обученным людям, мигрантам и чужеземцам.

Той ночью, скорчившись в своем закутке на складе, Декабрь чувствовала себя настолько уставшей, что даже не могла плакать. Она решила, что это и есть предел человеческого одиночества. К несчастью, она опять ошибалась.

Утром она поняла, что у нее три пути: умереть от голода, заняться тем, что требует от нее Барк, или обратиться к единственному человеку в городе, который его не боится. Цепляясь за проблеск надежды, Декабрь отправилась к наместнику.

Формально это была дворянская должность — для очень мелкого дворянина, которого король назначал своим представителем в Прибрежном. Городом по большей части управляли мэр и городской совет, а наместник собирал налоги, оформлял официальные документы и выносил решения по серьезным преступлениям. Нынешний наместник был на десять лет старше Декабрь и приходился сыном наместнику, который отдал ее на воспитание трактирщику с женой.

А еще он был вдовцом.

Все знали, как сильно он любил свою покойную жену Рему (она скончалась в двадцать первый день рождения Декабрь). Он больше не женился, однако растил троих сыновей, младшему теперь было двенадцать. Средний, пятнадцати

лет, часто влипал в неприятности — служба не оставляла наместнику времени на должное воспитание детей. Старшему исполнилось семнадцать. Телом он был почти взрослый, но разум его оставался детским. Парень был добрым и отзывчивым, а те буквы, что упускал из алфавита, природа компенсировала лишними «А», «Т», «Ц» и «Г» в его генах.

Декабрь, которой было уже тридцать, обратилась к наместнику с предложением. Ей нужен дом. Ему — жена. Ни она, ни он не искали обычных отношений, однако его считали человеком здравым и порядочным. И замысел ее вполне здравый. Декабрь понимала, что ему и в голову не приходило подобное, но он не засмеялся, не отшатнулся и не выругал ее, как она боялась в глубине души.

Наместник задал единственный вопрос:

— Две спальни?

— Две спальни, — согласилась она.

— Барк сильно разозлится, — заметил он, потирая подбородок.

— Мне жаль.

— А мне нет, — заявил наместник. — В этом и заключатся преимущество предложения.

После этих слов у Декабрь появилась надежда.

И ее замысел сработал.

Взгляд Декабрь смутил среднего сына, и по ее настоянию он вернулся к учебе. От него ожидали, что он станет образованным, в отличие от большинства горожан, и Декабрь, в свою очередь, научилась читать и считать, чтобы ему помогать. Наставница мальчиков оставила книги во время своего последнего визита и исчезла, как все чаще случалось с теми, кто отправлялся вверх по реке. Любовь Декабрь повлияла на младшего сына, который бездумно плыл по жизни. Он принялся за учебу с удвоенной энергией, потихоньку помогая Декабрь разбираться в уроках, чтобы она справлялась со средним сыном. Наконец, доброта Декабрь подействовала и на старшего, который отчаянно жаждал родительского внимания и вскоре стал ее неизменным спутником. Согласно диагнозу лекаря, он был «слабоумным», но с удивительно добрым сердцем, и это доказывало, что, каким бы видом глупости ни страдал Барк, та была скорее самоопределенной, чем предопределенной.

Тогда же Декабрь обнаружила в себе талант к учебе и следующий десяток лет занималась бухгалтерскими книгами наместника. К его удивлению, она даже начала помогать ему с договорами на аренду и налоговыми документами, которые все время нуждались в корректировке после того, как из столицы перестали поступать указания. Корабли больше не ходили. Река потемнела, как трясина, и

едва текла. В первую очередь Декабрь взялась за проект по негласной поддержке своей приемной семьи (трактирщика с женой), чтобы сделать их бизнес снова прибыльным. На них сильно сказалось отсутствие постояльцев, которые приплывали по реке, и они начали полагаться на субсидию от наместника. Декабрь понадобились годы напряженной работы: изменить цены, расширить меню, сместить внимание на обслуживание горожан и приезжих из ближайших городов, но в конце концов у нее получилось.

Все это время она и наместник спали в разных спальнях, но крепко сдружились. Как ни удивительно, Декабрь поняла, что полюбила этого человека. С ним тоже происходили перемены: он все чаще накрывал ее руку своей или случайно задевал ее плечо, когда они говорили о работе.

Декабрь обрела в новой жизни такую уверенность, что, увидев, как жена Барка торопливо семенит по городу со свежим синяком на лице, решила вмешаться. Потребовались месяцы тихой поддержки, советов и уговоров, но однажды мэр проснулся и обнаружил, что его вторая жена и двое детей исчезли — уехали в соседний город.

Барк ворвался в дом наместника с криками:

— Я знаю, что это ты! Видел, как ты с ней говорила!

Взгляд Декабрь снова на него подействовал, хотя три ее пасынка — теперь уже взрослые и сильные, тогда как Барк свою силу подрастерял, перестав работать на руднике, — сами по себе были сдерживающим фактором. Когда они сбежались на крик, Барк отступил.

— Жаль не убил тебя той ночью, когда был шанс, — пробурчал он.

— Ты бы не посмел, — прошипела она.

— Если бы ты знала. — На сей раз в его глазах мелькнула смертельная угроза. — Если бы знала...

Декабрь была потрясена. Он говорил так, будто уже убивал, но кого? Нет никаких нераскрытых...

— Тап, — прошептала она. — Твой старый напарник. Он нашел серебряную жилу, и ты убил его, пока он о ней не рассказал. Но ты дурак — сперва не разузнал у него место. Вот почему у тебя ушло больше десяти лет на поиски.

(На самом деле Барк один раз видел жилу. Тап ему показал, и Барк убил его и тщательно присыпал тело камнями, как бы после обвала. А потом заблудился, возвращаясь в город, и не смог снова отыскать нужное место.)

Он ничего не сказал и ушел, свирепо улыбаясь. Следующие несколько месяцев Декабрь держалась поближе к пасынкам, но гнев мэра в конце концов

улегся. Все складывалось относительно спокойно, пасынки нашли себе невест, кроме старшего, который по-прежнему следовал за ней тенью. В доме наместника поселилась радость: внуки, уют, даже зарождающаяся любовь.

А потом пришла хворь.

Беда назревала годами, незаметно для жителей города. После смертоносных событий в верховьях реки сворачивание крови наконец добралось и до бедного Прибрежного. Вы наверняка читали о подобных эпидемиях в своей истории, но эта была иной, почти мистической природы: ее вызвали не обычные переносчики, а сама река, ставшая ядовитой.

Младший сын и его семья умерли первыми. Они чахли на глазах, тела покрылись язвами. Немногочисленные книги и скудные медицинские знания, оставленные лекарем, не могли помочь: обычные науки оказались бессильны против этой болезни. Она расползалась по городу как плесень, убивая одну семью за другой. Одни спасались бегством и умирали в глуши. Другие запирались в домах и умирали в своих постелях. Третьи взывали к Пророку и умирали в церкви. Выживал один из десяти, и каждый до конца жизни носил шрамы.

Болезнь не посмела тронуть только Декабрь.

В день, когда они с наместником похоронили младшего сына, невестку и их ребенка, в мужчине будто что-то надломилось. Вскоре умер и он, и надежды Декабрь на жизнь с ним канули в речную пучину. Потом мор унес среднего сына и его семью. И наконец, старший с его кротким нравом ушел во тьму, окутавшую не только город, но и все королевство.

Декабрь сама хоронила каждого члена семьи, потому что ни у кого в городе не хватало на это сил. Могилы она копала по несколько дней, располагая их в ряд рядом с могилой матери, а закончив последнюю, рухнула на землю и разрыдалась. Слезы не иссякали много часов. Однако... она оставалась здорова, а вокруг было столько страдающих. Если вам нужны доказательства ее характера, знайте, что Декабрь, несмотря на ненависть, даже принесла Барку суп, когда он заболел, а потом переодела его и обмыла. Через два дня он умер в одиночестве в своем огромном особняке.

Возможно, кто-то назвал бы это победой. Однако Декабрь, уже разменявшая шестой десяток, оказалась слишком мудра, чтобы злорадствовать в такой ужасной ситуации. Она помогала больным, насколько хватало сил, и понемногу те, кого пощадила судьба, шли на поправку. Переживших то лето ждала суровая зима, к тому же они были сломлены: девять из десяти лежали в земле, души живых тянуло к мертвым.

Декабрь ездила в соседние городки и предлагала объединиться, чтобы избежать неминуемой голодной смерти. Как всегда, люди продолжали бороться,

но потом река совсем пересохла. Никто не знал, в чем причина, но догадка витала в воздухе. Должно быть, демон и правда освободился от оков, чем еще объяснить столь ужасные события?

Той зимой многие, пережившие мор, не вынесли стужи. К Декабрь, столько сделавшей для всех, начали относиться иначе. Если раньше общество не знало, как быть с бездетной женой, то теперь признало тихую, одинокую пожилую женщину, хранящую знания и мудрость, которых обычные люди сторонились. Ее принимали не слишком радушно — шептались, что во время эпидемии она даже не кашлянула и что она единственная из знакомых им женщин умеет читать, что она не боится злобы и не пасует перед предрассудками.

Сказать по правде, Декабрь была слишком старой, усталой и разбитой горем, чтобы обращать внимание на угрозы. Следующие пару десятилетий она прожила в доме на склоне холма, неподалеку от старого рудника. Городок, едва сводивший концы с концами, сосредоточился на земледелии и скотоводстве. Серебро и даже железо остались в прошлом, вместе с королем, которому требовались украшения и клинки. Постепенно все смирились с тем, что Декабрь осталась единственной живой повитухой в округе. Кроме того, ее приводили к раненым животным и даже приглашали разрешать тяжбы: как жена наместника, она обладала крупицей королевской власти.

Этого было недостаточно. В следующие десятилетия город почти испарился, как и река. Без угля, который привозили на кораблях, зимы стали особенно тяжкими. Почти не осталось женщин детородного возраста, чтобы дать жизнь новому поколению. Население увядало, как поля без полива.

Тогда Декабрь и узнала, что такое настоящее одиночество. В свои восемьдесят она из последних сил поддерживала тех, кто ее ненавидел. Тех, кто шептался, будто она и есть источник всех бед, ведь разве город, чтящий Пророка, рискнет укрывать ведьму? Ночи она коротала в одиночестве: отчаявшиеся люди украли у нее книги, когда она сидела у постели больного ребенка, и сожгли их в печи, тайком гадая, не эти ли колдовские книги (на самом деле учебники по медицине) навлекли на них несчастья.

На этот раз Декабрь оказалась права.

Такого одиночества она больше никогда не испытает.

Вскоре она умерла, одна в своей ледяной хижине. Город, который она любила, которому служила и который однажды спасла, отказался делиться с ней своим угасающим теплом.

Возможно, эта история покажется вам ужасной. Прошу прощения за то, что пришлось ее рассказать. К сожалению, она не уникальна. Слишком много людей живут как Декабрь — чужими и отверженными. Их часто намеренно не замечают.

Их страдания — пятно на обществе, которое стараются замаскировать праздниками и танцами. Такие, как Декабрь, живут по соседству с вами, настолько усталые и одинокие, что не могут даже плакать по ночам, ведь у них не осталось ничего, кроме пустоты.

История Декабрь не уникальна, за исключением одного пугающего обстоятельства: на следующий день после смерти она очнулась.

И обнаружила, что вернулась на пятьдесят девять лет в прошлое.

Глава 2

Порой, глядя в зеркало, человек испытывает странное чувство отчуждения. Мы формируем свой мысленный портрет и держимся за него, даже если наши черты с возрастом меняются. У большинства наступает момент, когда они смотрят себе в глаза и вдруг понимают, что человек напротив больше не совпадает с их внутренним представлением о себе, и такая перемена не укладывается в голове.

Обычно ощущение, будто что-то не так, зреет годами. Вес прибавляется или уходит. Кожа начинает обвисать. Кажется, что нос становится больше или меняет форму, поскольку возрастные изменения затрагивают мягкие ткани лица. В конечном итоге вы с тоской признаете, что человек, которым вы были, больше никогда не вернется. Этот человек — старая фотография, так же затерянная во времени, как и улыбки предков, с суровыми лицами застывших на картинах.

Декабрь — одна из немногих моих знакомых, которые пережили это чувство отчуждения в обратном порядке: постаревшие черты будто исчезли, вернулась молодость. Она потрогала лицо: кожа гладкая, без пятен, редкие волоски исчезли, волосы стали черными. К ее смятению, выглядела она… почти по-детски.

— Ты управилась? — В дверь заглянула приемная мать. — Исе нужно в ванную.

Ее приемная мать.

Умершая больше тридцати лет назад.

Приемная мать разбудила Декабрь, спавшую в гамаке на постоялом дворе. В ее последний визит здесь ютились четыре семьи, делящие тепло, чтобы пережить зиму. Теперь же на улице сияло солнце, река блестела и переливалась пурпурным, а безмятежное голубое небо полнилось обещаниями.

— Декабрь? — позвала приемная мать. — Милая, с тобой все хорошо?

— Какой сегодня день? — прошептала она.

— Твой день рождения. Тебе исполняется двадцать один.

Ее двадцать первый день рождения. Невозможно. Декабрь и в голову не пришло, что это сон, ведь она была старой женщиной, и некогда предаваться мечтам и фантазиям. Она знала, что реально, а что нет. Жизнь научила ее отличать реальность так, как молодым не дано.

Это все по-настоящему.

Ее двадцать первый день рождения.

Тот самый день.

Охваченная внезапной решимостью, Декабрь отбросила сомнения. Строить догадки она будет потом. Протиснувшись мимо озадаченной приемной матери, она сначала шагом, а потом бегом направилась в общий зал.

Ее двадцать первый день рождения.

Тот самый день.

Она промчалась мимо пекаря Рольда, занесшего хлеб, и, потрясенная своей внезапной юношеской ловкостью, запрыгнула на стул, скользнула по столу и добралась до углового стола.

Наместник Матин, который выглядел значительно моложе, чем в ее воспоминаниях, в ужасе звал на помощь. Его любимая жена лежала на столе с посиневшим лицом, а трое детей в панике смотрели, как мать тихо умирает.

Тот самый день.

Декабрь рывком подняла со стула бедняжку Рему, которую знала только по портретам и теплым историям у камина, и уложила животом на сиденье. Этому приему полвека назад ее научил лекарь, который уехал вверх по реке и больше не вернулся. Прижимая женщину к сиденью, Декабрь боролась против будущего. Казалось, само время сопротивляется ее воле.

Надавить.

«Этого не может быть. Что происходит?»

Надавить.

«В любом случае я не допущу, чтобы это повторилось».

Надавить.

«Ты заслуживаешь большего. Мы все заслуживаем большего!»

Надавить!

Проклятый кусок колбасы выскочил изо рта Ремы. Женщина тяжело дышала, светлые волосы прилипли к лицу и лезли в рот. Наконец бледность сменилась здоровым румянцем. Дети жались к ней и плакали от страха — дети, которых Декабрь так хорошо знала, — а их мать осела на стуле и крепко их обняла.

— Что это? — вопрошал Матин. — Что ты сделала?

— Она... она спасла меня, Матин, — прошептала Рема. — Во имя святого Пророка... Она спасла меня...

Наместник перевел взгляд на Декабрь, и в этом взгляде не было ни капли той доброты и нежности, с которыми он относился к ней под конец жизни, когда они стали близки. Для него она была чужой, и выражение его лица сильнее, чем ее собственные черты, сильнее, чем невероятным образом возрожденный город, убедило Декабрь, что она в самом деле вернулась в свое молодое тело. Матин никогда бы не взглянул на нее так, если бы помнил.

Он повернулся и захлопотал вокруг жены, обнимая и целуя ее. Его ужас и беспомощность сменились благодарностью. Декабрь отошла от них. Вокруг толпились люди и спрашивали, из-за чего шум-гам и что сделала эта сиротка.

Ее приемная мать Горниль отвела Декабрь в сторонку, раздвигая толпу широкими бедрами и крепкими руками.

— Однажды я видела такой прием, в юности, его исполнил лекарь, — сказала она. — А ты откуда про него узнала?

— Я... — Декабрь уловила в резком тоне приемной матери страх. Всегда ли она выглядела так молодо, лишь с легкой сединой в рыжих волосах? — Я о нем прочитала.

— Прочитала? Ты умеешь читать? Когда это ты научилась?

Декабрь покачала головой. Дверной проем заслонила тень: мужчина с толстыми ручищами, низким лбом и туповатым взглядом.

— Ладно. — Барк глянул на толпу вокруг наместника и его семьи. — Приступим, раз уж все уладилось. Я пришел просить твоей руки, сиротка.

Горниль охнула и прижала ладони к щекам.

— Это замечательно, правда, Декабрь? Помощник бригадира! Знаешь, у него есть собственный дом! Пойду скажу Йордику!

— Нет, — сказала Декабрь.

— Нет? — переспросила Горниль. — Не говорить ему? Хочешь сама сообщить новость своему приемному отцу?

Декабрь всмотрелась в лицо Барка, ища хоть малейший намек на то, что он помнит их последнюю встречу, когда от слабости ему не удавалось даже удержать ложку. Когда он лежал в постели, смердящей испражнениями даже сильнее, чем разложением из-за болезни.

Ничего. Он не помнил. Просто смотрел на нее с тупой самоуверенностью, свойственной мужчинам, которые никогда не знали отказа.

Она сделала ему одолжение, подарив возможность испытать нечто новое.

— Нет, Барк. Я не выйду за тебя. — Кровь демона, до чего же приятно было сказать это после всех тех лет.

— Декабрь. — Горниль взяла ее за руку. — Помнишь, о чем мы говорили вчера вечером?

— Прошло столько времени, — возразила Декабрь, не сводя взгляда с Барка. — Боюсь, я позабыла, матушка. Барк, я за тебя не пойду. Даже если бы мне врезали молотком по голове и лишили последней возможности чувствовать и рассуждать, у меня все равно хватило бы ума тебе отказать.

Он отшатнулся как от удара.

— Потаскуха. Слишком занята, чтобы принять достойного мужчину? Кому ты нужна? Ты...

— Прошу прощения, — перебила Декабрь, выдергивая руку из хватки Горниль. — У меня есть дела поважнее.

Оставив обоих в недоумении, она осторожно пробралась сквозь толпу вокруг наместника и его семьи. Ее взгляд после восьмидесяти лет практики сохранил свою силу, как редкое выдержанное вино. Люди расступались перед ней, сами не понимая, почему с такой готовностью подчиняются тихому слову девушки, которая всего день как вступила во взрослую жизнь.

— Матин, — сказала она, забыв, что никто в городе не осмеливался обращаться к наместнику по имени. — Можно вас на минутку?

— Что? — изумился он. — Сиротка...

— Меня зовут Декабрь. После пережитого вашей жене нужен свежий воздух, а не всеобщее внимание. А мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз.

— Это срочно?

— Насколько срочным вы считаете убийство?

Он немедленно пошел за ней, думая, как странно, что у столь юной девушки хватает выдержки с такой уверенностью обращаться к лорду, пусть даже и

незначительному. Следовало проигнорировать ее невообразимое заявление, но было в ней что-то такое...

Да, в ней было нечто особенное. Все эти годы он едва обращал на нее внимание, разве что проверял ее возраст и ту небольшую сумму, которую выплачивал трактирщику и его жене из фонда для сирот. И все же удивительно, как она держалась — словно образованная женщина. Удивительно и то, что он выслушал ее объяснение, позвал своего старого судебного пристава Натениаля и по ее настоянию поднялся на холм, где они нашли старину Тапа, погибшего не из-за обвала, как уверял всех Барк, а от удара топором по голове. Несмотря на разложение, рана была отчетливо видна.

— В трехстах ярдах отсюда проходит серебряная жила.

В доказательство своих слов Декабрь отвела их к жиле. Тупица Барк больше десяти лет бродил по этим холмам и наверняка проходил мимо нее десятки раз.

— Однажды ночью, напившись, они с Тапом наткнулись на жилу, но на следующий день уже не смогли ее найти. В конце концов Тап ее отыскал, и Барк убил его, чтобы не делиться добычей.

Матин опустился на колени перед выходящей на поверхность жилой, потрогал ее пальцами, и на его лице появилось выражение, которое бывало у него, когда в городе приходилось заниматься чем-то неприятным. Он всегда предпочитал заботиться о людях, а не действовать именем закона. Долг он исполнит, но Декабрь с нежностью вспомнила, как много лет спустя листала его старые бухгалтерские книги и находила копии писем, которые он каждый год отправлял королю, объясняя, что жители Прибрежного — непримиримые спорщики и что взыскать налоги в требуемом размере попросту невозможно. Десятки лет Матин был их ангелом-хранителем, и никто об этом не догадывался.

— Мне нужно больше доказательств, — сказал он, вставая. — Я не могу судить Барка по одному свидетельству. По закону мне нужно больше.

— Они у вас будут, — заверила Декабрь, потому что знала Барка как никто другой. — Просто передайте ему, что это я привела вас сюда после того, как он хвастался, что убил Тапа.

Так и вышло, что после обеда в общем зале постоялого двора — на нейтральной территории, где наместник решил допросить Барка, — она с особым удовольствием услышала, как ее бывший муж совершил ошибку, как она и ожидала.

— Что? — заорал Барк. — Я никогда ей об этом не говорил! Клянусь! Я ни одной живой душе не сказал, что сделал с Тапом, и она ничего не докажет!

Милый, глупый Барк. Остер умом, как сточенный плуг, мысли вязнут, как комья сырой глины, и виновен, словно сам демон.

О признании и последующем приговоре судачил весь город. Декабрь присутствовала на повешении и, хотя радости оно ей не доставило, поймала взгляд Барка, не испытывая сожалений. Возможно, вам покажется странным, что она так поступила после того, как заботилась о нем во время мора, но любой лекарь не увидит противоречий. Между стремлением облегчить последние часы умирающего и позволить убийце избежать правосудия лежит целая пропасть.

Пока Барк болтался в петле, Декабрь пронзил ужас. Может ли она умереть? Если она рухнет замертво прямо сейчас, то воскреснет ли вновь в то же утро? Мысль пугающая, и проверять ее не хотелось. К тому же что-то подсказывало, что ее вторая жизнь — не простая случайность. Второго такого шанса не будет. Этот дар она получила не просто так. Не вмешайся она, жена Матина была бы обречена...

Через два дня после казни Декабрь сидела за столиком перед трактиром, наслаждаясь любимым пряным чаем, и наблюдала за прохожими. Вот ткач Ком. Она сожгла его со всей его семьей на общем погребальном костре, потому что сил копать могилы уже не хватало. Вот Кита, мчится мимо, ей всего пять лет. Декабрь помогла ей родить первенца, и оба умерли суровой зимой, когда вдобавок к холодам сократились поставки угля с верховьев реки. Вот сыновья наместника. Камдон еще младенец. Торрент таращит глаза, цепляясь за мамину юбку. И Джамек, с характерными чертами лица из-за врожденной болезни и милой улыбкой, которая когда-то постоянно сопровождала Декабрь.

Она спасла их мать, поэтому никогда не станет их мачехой. Истинная любовь Матина, о которой он так часто плакал по вечерам, останется с ним... Декабрь собственноручно, словно скальпелем вырезала из будущего единственное место в городе, где ее приняли. Грустно и больно видеть, как Матин обнимает другую, которую любил сильнее, чем Декабрь. Она сама причинила себе эту боль и приняла ее.

«Моя семья, мои дети в опасности, — думала она. — Город в опасности».

Она снова пошла к Матину и попыталась рассказать о том, что грядет, хотя о бедах в столице знала лишь по смутным, ненадежным слухам. Войны, вопросы престолонаследия, сворачивание крови в реке и, что хуже всего, надвигающийся мор.

— Все начнется через несколько месяцев с пожаров в столице, и в этом будет как-то замешан демон. А закончится через десятки лет смертью почти всех жителей города.

Матин с печатью в руке сидел у себя дома в рабочем кабинете, где выслушивал жалобы и вершил суд. Он опустил взгляд на стол, где как всегда царил беспорядок, и Декабрь подавила желание поправить бумаги, обратить его внимание на самые важные вопросы и обсудить возможное решение.

Как в жизни, которой у нее не будет.

Жизни, которую... она прожила.

«У меня есть воспоминания, — решила она. — Проведенные с ним дни, воспитание детей и покой, который мы обрели во внуках до прихода мора. Эти воспоминания никогда не оставят меня, никогда не подведут».

Декабрь поняла, что находит в них отраду. Два десятка лет она пользовалась привилегией жить в их семье, но дети и Матин, которых она знала, принадлежали другой жизни, другому миру. В этой жизни их никогда не будет, потому что Рема осталась жива. И Декабрь отпустила их, как выпускают голубя в небо, позволила им жить новой жизнью без нее. Она терпеливо ждала, пока Матин осмыслит ее слова. Она достаточно хорошо его знала и понимала, что ему трудно поверить, но он не оставит угрозу без внимания.

— Кто ты такая? — прошептал он. — Ведьма?..

Ведьма ли она?

— Не знаю. Но мои сны... вещие, Матин. Я знаю, что грядет. Я уверена в этом так же, как и в том, что в будущем году у Гивонов родится мальчик, а еще через год будет плохой урожай и что рудник не иссякнет, несмотря на все опасения, по крайней мере, пока мы в нем нуждаемся.

Он опустил голову.

— Не знаю, что и думать. То, что ты говоришь, непостижимо. Я...

— Дайте мне письмо, — сказала она вдруг.

Он посмотрел ей в глаза.

— Представьте меня королю. Сколько мне там полагается... сотня золотых?

— За что?

— Разве за открытие серебряной жилы не выдается вознаграждение?

Наместник приложил руку к голове.

— Да, конечно. Сотня золотых... Королевская награда. Как я мог забыть. Прошу прощения.

— Вы были заняты, Матин, — улыбнулась Декабрь. — Не сомневаюсь, вы бы в конце концов вспомнили. Итак, вознаграждение и рекомендательное письмо.

Он написал письмо, совершенно ошарашенный, впрочем, как и Декабрь. В глубине души она не могла поверить в то, что собиралась сделать, поэтому и не стала задумываться. Точно так же листок не задумывается о ветре, который его гонит. Она вернулась на постоялый двор, собрала свои скудные пожитки и покинула приемных родителей, наказав присматривать за младшим внуком, который еще не родился. Когда ему исполнится четыре, он упадет в колодец на заднем дворе, сломает ноги и так и не оправится полностью.

После этого, повесив на пояс кошель с золотом, которое когда-то присвоил себе Барк, Декабрь накинула черный плащ и, волоча за собой темную тень будущего — плащ, сотканный из межзвездного пространства, — направилась к причалу, где купила билет на корабль, идущий вверх по реке.

Матин никак не мог предотвратить беду, оставаясь в тихом захолустном городке. Проблемы начались в столице, когда умер король, так что он наверняка сочтет ее послание важным.

У нее больше нет семьи.

Город ее отверг.

Но она все равно их любит.

Итак, Декабрь, сирота, обретшая вторую жизнь, отправилась вверх по реке к трупу демона, чтобы поговорить с королем. Уж он точно должен знать, как не допустить распространение мора.